

Классическая Греция и эллинизм

Г.К. Пондопуло

доктор философских наук, профессор

УДК 37(09)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу о роли античного наследия в формировании культуры Нового времени. Данная публикация — первая в цикле статей «На перепутьях европейской культуры» — посвящена рассмотрению того воздействия, которое оказал созданный в период классической Греции образец культуры и сформировавшаяся на его основе в эпоху Эллинизма традиция на становление философии культуры Нового времени. Его воздействие носило противоречивый характер, связанный с тем, что если основу культуры образца (Логоса) составлял разум и интерес к логическому конструированию моделей мирового космоса, то в основу культурной традиции был положен интерес к изучению явлений природы, как естественной, независимой от воли богов основы мирового и человеческого бытия и поиск наилучшего пути человека к счастливой жизни. И это придавало новый антропологический оттенок всему культурологическому процессу.

Возникновение нового — не этого ли наш дух более всего ищет в минувшем... Старые формы культуры умирают, в то же время и на почве, где новое находит пищу для роста.

Йохан Хейзинга

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

будущее,
прошлое,
образец,
Новое время,
Аристотель

Эпоха, которую принято обозначать как «Новое время», включает в себя два века — XVII и XVIII. В истории европейской культуры она занимает особое место. Ее начало ознаменовалось подведением итогов традиционно-рефлекторного периода развития, а конец Нового времени — определением интеллектуальных горизонтов новой, современной культуры. Эта устремленность в будущее, и одновременно связь с античной культурной

традицией, с особой остротой ставила вопрос об отношении к античному наследию, точнее говоря, к той традиции, благодаря которой она столь долго воспринималась как критерий и принцип, с которым соизмерялось и соотносилось все то, что происходило в европейской культуре в период ее становления и развития вплоть до XVIII века.

В Новое время со всей очевидностью обнаружилось отсутствие тождества между тем, что на протяжении многих веков воспринималось как подлинное свидетельство античного наследия, и тем, чем оно являлось не в изложении многочисленных комментаторов, а в реальной исторической действительности.

Ядром античного наследия была созданная в классический период греческая культурная парадигма, которая воспринималась как «образец» в многочисленных городах-государствах (полисах) на широких просторах греческой ойкумены. В последующий, эллинистический период античной цивилизации, греческая парадигма подверглась рефлексии, в результате которой она утратила свою функцию «образца» и трансформировалась в культурную традицию, которой было суждено сыграть существенную роль в формировании европейской культуры. Возрождение интереса к классической античности произошло только в конце Нового времени и было продолжено в XIX веке, когда европейская культура вступала в новый, современный период своего развития. Одним из первых шагов на этом пути было формирование нового взгляда на античное наследие. Классическая культура больше не воспринимается только как образец и как традиция. Она становится объектом научного изучения и исследования. В результате начинает укрепляться представление об античности как о культурно-историческом явлении, имеющем общечеловеческое культурное значение, которое принадлежит не только прошлому, но и будущему. Особое значение в формировании этого представления сыграло возрождение в Новое время интереса к эпохе эллинизма. В эту эпоху общекультурная значимость греческой культурной парадигмы впервые проявилась с достаточной очевидностью. В этот исторический период, который был связан с уходом в прошлое классической Греции, не только было реанимировано классическое наследие, но определены и те интеллектуальные горизонты развития европейской культуры, которые оставались значимы не только в эпоху Средневековья, Ренессанса, Нового времени, но оказались близки и современности.

От образа к традиции

Вся культурная традиция перенимается у образца... Стихийная сила образца действует лишь в том случае, если он одобряется во всех отношениях, и прежде всего в этическом.

Конрад Лоренц

Главным культурным центром Эллады были Афины. В этом городе, в классический период, сформировалась «образцовая» политическая система, знаменитая афинская демократия, которая оказалась наиболее адекватной тому идеалу человека, который сформировался в греческих полисах и был воплощен в творениях великих греческих поэтов, драматургов, скульпторов и зодчих. Усилиями нескольких поколений философов была создана знаменитая греческая философия, главной целью которой было утверждение в сознании греков изначального единства человека и мироздания. Его основой считался ум, который рассматривался как «объективная действительность». Такое представление, первоначально опиравшееся на мифологическое мышление, в процессе рефлексии античной мифологии стало главной категорией греческой философии¹. Этот процесс нашел свое завершение в философии Платона и Аристотеля. Если в обосновании своего учения об уме Платон еще использует в качестве аргумента не только логику, но и эстетику мифа, то Аристотель ни в одном из своих многочисленных трудов к мифам уже не обращается, хотя, по свидетельству современников, не только хорошо знал, но и любил древнюю мифологию, которую «подарили грекам» Гомер и Гесиод. Аристотель определяет ум как «идею идей», «место бытия идей», подчеркивая его универсальный, космический характер и сакральный статус. В своем основном философском труде «Метафизика» он пишет: «Ум представляется наиболее божественным из всего являющегося нам».² Аристотель стремится к чисто логическому обоснованию «божественности ума». В то время как Платон противопоставляет логос и миф, когда утверждает, что миф ищет ясности в логосе, а логос находит завершение в мифе. Приобщение к абсолюту у Платона обусловлено диалектикой Эроса, которая носит мистический характер, уходящий своими корнями в мифологию орфиков. У Аристотеля в основе движения к божественному абсолюту лежит диалектическое единство Мирового (божественного) Ума и индивидуального человеческого разума. Единство, которое находит свое конкретное выражение во взаимосвязи логических

¹ См.: Лосев А.Ф. История античной эстетики (Ранняя классика). — М., 1963. С. 367.

² Аристотель. Метафизика. Кн.12.,гл. 9. — М., 2006. С. 15–17.

категорий, их верного пути к благой жизни, возможно только посредством умозрения, сближающего ум с Мировым умом. Принципиальное отличие. Если в философии Платона классический культурный образец находит свое абсолютно законченное «идеальное» воплощение, то в философии Аристотеля сделан первый важный шаг к его рефлексии и реанимации в условиях вступления античной цивилизации в новую фазу своего развития — эпоху эллинизма. В эту эпоху формируется новый, отличный от классического, «индивидуальный» тип личности. В философии последнего великого мыслителя классической древности Аристотеля он впервые представлен в качестве «законного преемника», человека классической эпохи. Это гениальное провидение предопределило ту особую роль, которую предстояло сыграть наследию Аристотеля в судьбах европейской культуры.

Аристотель и эллинизм

Чем более совпадаем мы с Умом
в нас, тем мы бессмертнее.

Аристотель

То, что в трудах Аристотеля стало посланием будущему, это — «рассудочность», которая, по словам С.С. Аверинцева, была «плотью от плоти античной культуры умозрения и сохранила свою значимость как для Средневековья, так и для Ренессанса, и несмотря на различие этих эпох «выявляет их известное родство в рамках «аристотелевского цикла»³. Освобожденные от тех искажений, которым греческая мысль подверглась в процессе бесчисленных комментариев, со времен поздней античности ставшим главным занятием создателей средневековой, а позднее и ренессансной культуры, эти комментарии имели, как правило, не творческое, а прагматическое использование античного наследия, что было подобно пересадке органов умершего живому в целях его жизнеобеспечения. Что же касается жизненной достоверности и понимания подлинной культурной значимости этого наследия, оно, как правило, не бралось, а то, что представлялось в нем «несоотносимым» с идеологией времени, беспощадно отбрасывалось и уничтожалось. Такой подход к классическому наследию не был «изобретением» Средневековья и Ренессанса. Основа его была заложена уже в эпоху эллинизма и имела под собой реальное основание. Этим основанием стал кризис, а затем и гибель греческих полисов, являвшихся в классический период социальной основой античной цивилизации и ее культуры. Спустя пятьсот лет еще более жестокий кризис поразил последний оплот

³ Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература. // Поэтика древнегреческой литературы. — М., 1981. С. 7–8.

античной цивилизации Римскую империю и завершился ее гибелью. Имманентное состояние культурного кризиса было характерной чертой эпохи эллинизма. Напряженные поиски выхода из этого состояния необходимо требовали рефлексии классического образца, адаптации греческой мысли к новым реалиям жизни. При этом одновременно решая две задачи. Первая из них — найти пути сохранения наследия античной классики, вторая — определение интеллектуальных горизонтов, развития культуры будущего. Попытка решить эту двуединую проблему и была предпринята Аристотелем. В творениях этого последнего великого мыслителя Греции приверженность к классическому образцу сочетается с его кардинальным переосмыслением в контексте тех изменений, которые достаточно отчетливо обозначились во второй половине IV века до н.э. Основой аристотелевской «рассудочности» (логики) лежало учение об Уме как перво двигателе мирового космоса. Ум бессмертен, но не индивидуален, и поэтому он бог, Ум и предмет его мысли одно и то же. Деятельность Ума это жизнь. Человек самое разумное из всех живых существ. Он рожден для «умопостижения» и целенаправленного действия в соответствии с ним. Лучшей частью человека является «он сам», так как вся его жизнь, в своей основе, есть «самосознание мыслительной деятельности» (т.е «культура разума» — Г.П.), и поэтому главной целью человека является «любовь к самому себе». «Чем более совпадаем мы с Умом в нас, тем мы «бессмертнее», утверждает Аристотель⁴. За этим «господством рассудочности» стояло рефлекторно-традиционалистское состояние культуры, которое утвердилось в период поздней античности и эллинизма и было оспорено только в XVIII веке.

⁴ Аристотель.
«Никомахова этика»
(Кн. 178 а 2,7.). — М.,
1997.

Основой аристотелевской «рассудочности» являлось используемое в качестве «инструмента», позволяющего представить мир в качестве единой, логически обоснованной системы категорий, учение об Мировом Уме (Нусе), как о перво двигателе мирового космоса. Мировой Ум вечен, но не индивидуален. Он одновременно является и источником всякого действия и его конечной целью. Присутствуя во всей своей полноте в каждой форме сущего, он не имеет своей особой, индивидуальной формы. Движение Мирового Ума является движением к благой жизни и бессмертию, т.к. он, включая в себя всю полноту бытия, остается тождественным только самому себе. Природа (к ней относится все существующее естественным путем) является особой формой проявления действия Мирового ума и живет по своим — естественным — законам как самостоятельно существующее, творящее начало. О разумности всего происходящего в приро-

де свидетельствует гармоническая организация в ней всех форм жизни, в том числе и человеческой, что вызывает у человека, созерцающего природу, чувство соразмерного и прекрасного. Целесообразность действия, присущая всем формам жизни, свидетельствует о наличии в природе закона всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости всех явлений и разумности происходящих в ней процессов⁵. Из всех живых существ самым разумным является человек, что позволяет говорить о человеке как о своего рода «смертном боге». Поэтому главной целью человеческого познания является не природа, частью которой является человек, а он сам.

⁵ См.: Аристотель. История животных. — М., 1996.

Человек рождается со стремлением к знанию. Вся жизнь человека, в своей основе, есть путь «самосознания своей мыслительной деятельности», и поэтому главной целью для человека является он сам. Ценность конкретного знания (связанного с естественной и общественной, и бытовой стороной жизни) определяется тем, насколько оно организовано, систематизировано и представляет собой некое органическое целое, в результате его соотнесения с Мировым разумом. Это требует от человека развития способности «правильно мыслить» (логика) и правильно поступать (этика), тем самым человеку открывается путь к истинной (разумной) и добродетельной (благой) жизни и максимально сближает жизнь человека с действием Мирового Ума. Человеческий разум это лучшая часть души. Поэтому процесс «умопостижения», требующий максимально глубокого «погружения» человека в самого себя, это путь человека к его духовному возрождению и бессмертию. Процесс умопостижения, связанный с умением диалектически мыслить и логически рассуждать в сочетании с лучшей добродетелью «середины», вызывает у человека «глубочайшее удивление (перед красотой мира) и небывалую благородную настроенность» (выражающуюся в чувстве любви и доброжелательности к себе и другим людям), гармонизируя его отношения с действительностью. При этом душа сближается с Благом и действием Мирового Ума, которое является движением к Благой жизни и бессмертию. Так рационализм Аристотеля оказывается органически связанным с теологией и приобретает, благодаря этой связи, ограниченный характер.

В эпоху эллинизма двойственный характер аристотелевского учения о природе человеческого разума проявился в том, что его последователи не только продолжили его работу по исследованию природы как автономного процесса жизни, существующего и творящего по своим собственным законам, но и постоянно

тяготели к сближению с платоновским учением о закономерном переходе человека в процессе познания и самопознания из мира вещей в идеальный мир «умопостигаемых сущностей» — мир прекрасной и благой жизни, символом которой была «любовь». Это чувство, неразрывно связанное с духовным миром индивида, будет в центре внимания в эпоху эллинизма как у философов, художников, так и религиозных мыслителей, наполняясь различными смысловыми значениями. Для эпикурейцев это «чувство подобно движущей силе жизни, стоящей у кормила природы» (Лукреций); для стоиков это любовь ко всем людям; для платоников и неоплатоников чувство, связывающее «учителя» и «ученика», предполагающее чувственное (телесная любовь) и небесное (любовь к абсолюту). В учении неоплатоников, которое представляет собой «аристотелевски окрашенный платонизм», чувство любви трактовалось как мистический акт, связывающий человека с Абсолютом, что являлось реанимацией традиционной мифологии. Именно такое истолкование было использовано родоначальниками христианской теологии, в которой роль Учителя выполняет не Логос, а христианский Бог, а в качестве ученика выступает человек, чьей главной задачей должно быть знание Священного писания, а главной целью — любовь к Богу, первый шаг к чисто религиозному истолкованию отношения между Богом и человеком⁶. Плотин, систематизатор эллинизма, пишет в главном своем сочинении «Энеиды»: В результате «духовных упражнений» — стремлении к высшему знанию и высшему благу человек может обрести некую благодать, которой и является «пламенная любовь» — чисто духовное, мистическое чувство. В ней едины любовь к красоте прекрасных и достойных форм, которые видит душа, остающаяся на уровне ума, и то, что придает им «очарование живой жизни» (эвритмия — движение, приносящее радость)... «Всякая форма сама по себе — лишь то, что она есть. Но она становится желанной, когда Благо изливает на нее свой свет и пробуждает любовь тех, в ком она вызывает желание»⁷.

В эпоху эллинизма тема «любви» будет использоваться столь же часто, как и тема «разума», это созвучие — результат приоритетного интереса в эпоху эллинизма к индивиду. Этот интерес сохранится и позднее. Спустя пятнадцать столетий, через посредство римской поэзии и «культуры *humanitas*», созданных в эпоху эллинизма, он возродится и обретет новый универсальный смысл в творчестве великих поэтов, мыслителей и художников Ренессанса.

Наследие Аристотеля оказало огромное влияние на развитие не только античной, но и европейской культуры. В нем со-

⁶ Учителем объявляется Бог, а учеником человек. Изучая Священное писание, человек приобретает к божественной мудрости и обретает при этом некую «благодать», выражающуюся в любви к Богу. — Прим.авт.

⁷ Энеиды (VI.7,22,5) // цит: Адо П. Плотин, или простота взгляда. М., 1991. С. 52.

⁸ Одно из направлений средневековой философии — «аверроизм» восходит к философии арабского философа Ибн Рушда (лат. Аверроэс), представлявшую собой натуралистическую интерпретацию философии Аристотеля. — Прим. авт.

челалось гениальное провидение путей развития культуры как в ближайшем, так и отдаленном будущем. Гениальные новации, связанные с самыми различными областями знания, и первые попытки систематизации знания легли в основу системы образования и античной школы, и средневековых университетов, и академий Ренессанса, а позднее некоторые идеи Аристотеля оказались востребованными не только в Новое время, но и в современную эпоху. Вместе с тем, ограниченный характер аристотелевского рационализма, который проявился в попытке использовать свои великие новации в области философии и зарождающегося научного знания для реанимации утраченной в результате рефлексии традиционной мифологии, веры во всевластие богов, придал концепции Аристотеля известную эклектичность. В дальнейшем авторитет гениального мыслителя использовался представителями не только различных философских и научных школ, но и религиозных доктрин. Северин Боэций, которого принято считать последним античным философом и первым представителем средневековой схоластики, был переводчиком на латинский язык сочинений Аристотеля и его комментатором. На протяжении многих веков его авторитет был непререкаем не только в Европе, но и на арабском Востоке⁸. Впервые «ограниченный рационализм» Аристотеля подвергся радикальному критическому пересмотру только в Новое время.

Его начало связано с именами родоначальника научной революции английского мыслителя Френсиса Бэкона и французского философа XVII века Пьера Гассенди, а в XVIII веке с именем Декарта. Созданные им «главные правила для руководства ума» завершили создание той «культуры разума», которая была начата Аристотелем. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература. // Поэтика древнегреческой литературы. — М.: Наука, 1981. — 366 с.
2. Адо П. Плотин или простота взгляда. — М.: Прогресс, 1991. — 144 с.
3. Аристотель. История животных. — М.: РИУ, 1996. — 528 с.
4. Аристотель. Метафизика. — М.: Эксмо, 2006. — 608 с.
5. Аристотель. «Никомахова этика». — М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. — 101 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики (Ранняя классика). — М.: Высшая школа, 1963. — 583 с.